
ЕВГЕНИЙ "КРАЕВ" КОСТЮЧЕНКО
ПУТЬ СОВЫ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Евгений "Краев" Костюченко

Путь Совы

«Автор»
2026

"Краев" Костюченко Е.

Путь Совы / Е. "Краев" Костюченко — «Автор», 2026

Иван Савин, позывной "Сова", отправляясь на опасные заработки за океан, надеялся обеспечить себе спокойную жизнь, когда вернется. Он забыл, что из России нельзя уезжать надолго. Потому что возвращаться каждый раз приходится в изменившуюся страну.

© "Краев" Костюченко Е., 2026
© Автор, 2026

Евгений "Краев" Костюченко
Путь Совы

1.Покажи мне

«*Покажи мне людей,*
уверенных в завтрашнем дне.
Нарисуй мне портреты
погибших на этом пути»
(Виктор ЦОЙ).

К полудню тучи над летным полем разошлись, и лужи на грунтовой посадочной полосе заблестели под солнцем.

— Прилетит, — уверенно сказал Салман. — Теперь точно прилетит.

— Поздновато. — Влад посмотрел на часы. — От графика отстали. А еще перегружать. То-сё, туда-сюда, дорогу ты сам видел. До вечера на рудник не успеют. А по темноте тут не ездят. Нет, я думаю, они отбой дали, как в прошлый раз.

— А ты не думай, — посоветовал Салман и, снова нацепив наушники плейера, откинулся на спинку кресла.

— Что слушаешь? — полюбопытствовал Влад. — Своё? Или местное что-нибудь?

Салман не ответил.

Их арендованный «опель» стоял на самом краю площадки, которую здесь считали автостоянкой. Справа, за открытым окном колыхалась высокая трава, а дальше, метрах в двадцати, уже высилась непроницаемая стена леса.

Слева нестройной цепочкой выстроились легковушки такси, поджидающие пассажиров — рейс из Манагуа, как всегда, задерживался. Дощатый домик с выцветшей вывеской «San-Carlos aeropuerto» служил и кассой, и залом прибытия, и залом ожидания. Точнее, мог бы служить, если бы не запертая дверь.

Но вот подлетел джип, и в домик торопливо вошли двое в синей униформе. Таксисты, дремавшие в своих «фордах» и «тойотах», зашевелились. Прошло еще полчаса. Наконец, один из таксистов вылез из машины и не поленился дойти до «аэровокзала». Но быстро вернулся, и на ходу крикнул что-то своим товарищам-конкурентам, и те. разочарованно прокричали что-то в ответ.

— Что говорит? — Салман выдернул наушники из ушей.

— Их «сессна» еще даже не вылетела.

— А наш вылетел, — уверенно сказал Салман. — Если бы у этих баранов на линиях работали русские летчики… Э, вот! Теперь слышишь?

Он приоткрыл дверь. С неба лился, усиливаясь с каждой секундой, знакомый гул.

— Давай звони, — сказал Влад.

— Рано еще.

— Потом поздно не будет?

— Делом займись, — приказал Салман.

Влад вышел из машины, разминая затекшую спину. Пересел на заднее сиденье, расстегнул молнию сумки, быстро собрал винтовку. Приспустив стекло, глянул в оптический прицел. С этой позиции он держал под контролем пулеметчика возле топливных цистерн. Тот сидел на стуле, покачивая босой ногой, его пляжные шлепанцы валялись возле ПК на треноге. Вид у парня был самый безобидный, и все же он мог вмешаться — эти латиносы непредсказуемы.

Но те, кто планировал операцию, предусмотрели даже то, чего нельзя было предсказать.

АН-26 пробежался по полосе, вздымая шлейф брызг и грязи. Развернулся, надрывно завывая моторами. Он еще не остановился, а к нему уже мчались два джипа и крытый грузовик.

Салман наблюдал за самолетом в бинокль.

— Как там? — не отрываясь от прицела, спросил Влад. — Почему не звонишь? Время идет.

— Я должен видеть, привезли или нет.

— Ну как?

— Рампу не опускают, — бормотал Салман. — Что такое? Боковую дверь открыли. Зачем? Это что? Ковры привезли? Слушай, я думал, ящики будут.

— Ковры-ы! — Влад не выдержал, обернулся. — Рулоны, а не ковры! Звони!

Салман уже поднял трубку и быстро заговорил по-чеченски. Выключив телефон, он сказал весело:

— Все нормально. Птичка уже летит.

— Как там, спокойно идет?

— Спокойно, спокойно. Погрузили… Отъезжают… Э, шайтан! В кабину лезет, шайтан!

— Что там? — нетерпеливо спросил Влад, вытирая вспотевшую ладонь о спинку сиденья.

Даже незначительная заминка могла сорвать оптимальный вариант. И тогда придется брать груз не в пути, а прямо на летном поле. И тогда будет стрельба. А ему очень не хотелось стрелять поблизости с таким грузом. Да, конечно, их заверили, что шальная пуля не может вызвать детонацию. Но черт его знает, как оно повернется на самом деле! Нет, Владу очень не хотелось стрелять.

— Уф… — Салман выдохнул. — Уехали. Этот дурак, сопровождающий, с ними тоже уехал. Складывай инструменты. Едем в отель.

— Не хочу в отель, — вытирая взмокший лоб, ответил Влад. — В Майами хочу.

— Э, дело сделали, гуляй-Вася, завтра-послезавтра будем с тобой в Майами, что ты нервный такой?

Когда грузовик и джипы скрылись за стеной леса, Салман завел мотор, и их «опель» медленно покатился в сторону города.

Впрочем, «городом» это скопище хибарок называли только сами местные. А «отелем» они называли двухэтажную развалюху, где вместо кондиционера была марлевая занавеска на окне, а вместо душа — бочка с водой и ковшик. Прошлой ночью Влад не мог заснуть из-за странного шума. Включив свет, он обнаружил, что пол сплошь покрыт ковром из тараканов. Не каких-нибудь там монстров. Нет, это были самые обычные рыжие усатые твари, каких он мог бы с таким же успехом наблюдать и у себя в родном Кургане. Стоило лететь через океан, чтобы топтать их тут?

У Влада даже печень заболела, как только он подумал, что еще одну ночь придется торчать здесь. А Салман весело крутил баранку и мычал в своих наушниках.

Вечером они долго сидели на веранде, наслаждаясь прохладным сквозняком. Поужинали мясом с зеленым соусом, после чего в желудке разгорелся пожар, и его пришлось гасить отвратительным водянистым пивом.

По инструкции Салман должен был дождаться звонка. Но он не вытерпел, позвонил сам. Говорил по-чеченски, прикрывая трубку ладонью, чтобы, упаси аллах, кто-то из местных не подслушал.

— Ну что там? — спросил Влад, ковыряя в зубах ножом. — Нормально все?

— Нормально. Только этот дурак….

— Экспедитор?

— Да. Экспедитор. Дурак. Зачем полез? Сдал груз, бумажки получил, гуляй-Вася! Нет. Он с ними поехал.

— Наверно, ему наличкой на месте должны были отстегнуть, — догадался Влад. — Просто так никто не стал бы дергаться, на рудник тащиться.

— Короче, сам виноват, — мрачно произнес Салман. — Мы хотели чисто все сделать, а он полез, все испортил.

— Что испортил?

— Ничего. Дурак. Ладно, пошли спать.

Наутро Влад подвез Салмана к терминалу автостанции и договорился с водителями, чтобы помогли «сеньору профессору, не понимающему по-испански», пересесть на транзитный автобус до Сан-Сальвадора.

Сам же, оставив лишние вещи в номере, с одной только спортивной сумкой отправился на пристань, чтобы присоединиться к экскурсии. Ниже по реке находились развалины старинной крепости, и туристы обязательно посещали эту достопримечательность. Посетил ее и Влад. Отстав от толпы, присел в тени заросшего бастиона. Выкурил половину сигары, прежде чем из кустов появился, настороженно оглядываясь, Зелимхан.

— Что так долго-то? — раздраженно спросил Влад.

Зелимхан не ответил. Спросил только:

— В сумке?

Влад кивнул. Зелимхан снова отступил в кусты, бросив:

— За мной иди.

Они поднялись по склону, огибая крепость. На узкой дороге среди деревьев стоял «уазик» с брезентовым верхом.

— Сумку назад положи, сам вперед садись, — приказал Зелимхан, садясь за руль.

Влад опустил сумку с винтовкой на пол у сиденья, захлопнул дверцу. Взялся за ручку передней двери. И увидел над опущенным стеклом трубку глушителя, смотрящую прямо ему в лицо.

Он успел только зажмуриться.

2.Деньги любят

«Деньги любят тишину.
Большие деньги любят мертвую тишину»
(Банкирское)

Когда Иван уезжал, его дом был опутан лесами, с которых свисали клочья пыльной сетки. Косметический ремонт, начавшийся еще при советской власти, казалось, закончится тем, что дом просто-напросто снесут.

Но дом уцелел. И сейчас его было не узнать. Исчезли вагончики строителей и полусгнивший забор с горами мусора на каждом углу. Вместо разбитого асфальта и вечной лужи перед аркой — тротуар, вымощенный фигурной плиткой. Раньше дом казался серым, а теперь вдруг выяснилось, что стены у него цвета кофе с молоком, а лепнина под крышей и вокруг окон — шоколадная. Не смог Иван узнать и собственное окно. Уезжая, он затянул стекло газетами, чтобы солнце не выжигало обои. Но теперь газет не было видно. Окна на его этаже были зеркальными, с белыми рамами, как и почти все прочие в доме. Только под самой крышей еще сохранилась пара окошек со старинными переплетами. Там, за грязным стеклом, виднелись буквы SALE и номер телефона.

— Ничего себе ремонтик отгрохали, — только и мог сказать Иван.

На двери его подъезда обнаружился кодовый замок. Тоже новинка. Пришлось поколдовать над ним, угадывая комбинацию из трех цифр.

Поднявшись на свой этаж, Иван растерянно опустил сумку на белоснежный кафельный пол и почесал в затылке, глядя на дверь коммунальной квартиры.

Дверь была не старинная, с драным дерматином, с глазком и десятком звонков на косяке — нет, теперь она была стальная. С тремя замочными скважинами. И всего с тремя кнопками. Под двумя из них Иван прочитал какие-то чужие, незнакомые ему фамилии. И только дойдя до последней кнопки, он облегченно вздохнул. Нет, он не ошибся адресом. Это его дом. Его квартира. И сейчас ему откроет дверь жилец по фамилии Афанасьева.

«Всё правильно, — сказал он себе, пытаясь заглушить непонятную тревогу. — Был капремонт. Всех расселили. Осталась только баба Тоня, дворничиха, потому что у нее служебная жилплощадь. После ремонта въехали новые жильцы. Интересно, а что решили с моей комнатой? Не могли же меня переселить заочно…»

Дверь, наконец, отворилась. Баба Тоня долго смотрела на Ивана, подслеповато щурясь. А потом протянула своим хриплым басом:

— Ядрит твою налево. Ванечка! Живой, поганец! А я им говорила, что ты вернешься! Говорила! Ну, делать нечего, заходи … На кухню, на кухню давай. Ботинки снимай, вот сюда, в мой угол ставь.

Иван, озадаченный таким приемом, прошел вслед за старушкой на кухню. Разуваться не стал, сочтя свои туфли достаточно чистыми. Сел на краешек стула, сумку поставил между ног, быстро осмотрелся. Новая плита и сантехника, новая мебель. Всё новое. Только бабушкин буфет уцелел, да и то стоит теперь не на старом месте, а задвинут в угол, к окну.

— Ты где пропадал-то столь долго? — спросила баба Тоня, закуривая.

— Ну, типа, в Москве. — Он подошел к своему буфету, выдвинул ящик, приоткрыл стеклянную дверцу. — Хорошо, что не выкинули.

— Так я не позволила! — гордо заявила баба Тоня. — А что? Вещь хорошая. Сейчас таких не делают. Они уже собирались выкинуть, а я не дала.

— «Они» — это кто?

— Да новые жильцы. Золотовичи — такая фамилия. Он, значит, Золотович, а она, значит, Алимова, вроде как у каждого по две комнаты. А получается, что четыре на одну семью. Химичат, как хотят. И ничего им не скажешь.

— Погоди, баба Тоня. Как по две? Тут у нас всего-то пять комнат. Или я чего-то не знаю?

— Откуда ж тебе знать? Выписали тебя давно.

Иван прошелся по кухне. Баба Тоня неприязненно глянула на его туфли.

— Разулся бы, чисто у нас.

— Как это «выписали»? Как можно живого человека выписать?

— Ты чего кричишь? — Баба Тоня топнула ногой. — Поздно кричать. Раньше надо было. Теперь поздно. Меня тоже чуть не выписали, пока я на лето в деревню уехала. Хорошо, там дожди зарядили, и я в августе вернулась, а не осталась до октября. Возвращаюсь, а тут уже эти, Золотовичи. Я им как заноза. Так бы им вся квартира отошла. А тут я вернулась. Они мне и так, и сяк. И деньги совали. И участковый меня прорабатывал. А я им — нет. Здесь пятьдесят лет прожила, здесь и умру, на Фонтанке.

— Ну, а меня куда выписали?

— А я почем знаю!

Иван подошел к окну, заглянул во двор и вместо горы мусора увидел ухоженную клумбу.

— Значит, Золотовичи… Они сейчас дома?

— Теща евоная, Роза Семеновна. Она в твоей комнате. Только ты туда не ходи. Участковому нажалуются, засадят тебя на пятнадцать суток. Меня чуть не засадили, когда я им посуду побила.

— Тебя засадишь…

— Ты вот что, ты не горячись. Уезжай-ка ты к своим, вот что я тебе скажу. Плетью обуха не перешибешь, против силы не попрешь.

— К своим, говоришь? Можно и к своим. — Иван опустился на табуретку.

Он услышал, как скрипнула дверь в коридоре, и обернулся. В кухню заглянула женщина в пунцовом шелковом халате.

— Это кто у тебя? — властно осведомилась она у бабы Тони.

— Никто, Роза Семеновна, никто, — старушка суетливо замахала рукой, — он сейчас уйдет.

— Я не никто, — сказал Иван. — Я тут прописан.

— Мало ли кто тут был прописан, — сказала женщина, свысока глядя на него.

— Был?

Иван схватил табуретку и направился в коридор. Женщина испуганно пискнула и прижалась к стене, когда он прошел мимо нее.

Дверь в его комнату была приоткрыта. И дверь была прежняя. Перекрашенная, зашпаклеванная, с новой блестящей рукояткой. Но прежняя. Таких теперь не делают. Такие двери делали тогда же, когда и строили этот дом. Году так в 1880-м.

Он распахнул дверь пошире и, встав на табурет, провел пальцами по ее верхнему краю. Всё в порядке. Те, кто делал ремонт, не заметили тайника.

Иван достал нож и кончиком лезвия поддел верхнюю планку. Запустил пальцы в образовавшуюся щель и вытянул из тайника заветный пластиковый пакет с документами.

Женщина в халате что-то кричала, но он ее не слушал. Под обложкой паспорта, как ему помнилось, должны были лежать деньги. Подстраховался, уезжая. Хотя собирался вернуться богачом. Да, вот они, только не в паспорте, а в военном билете. Пересчитал банкноты. Вот дурак, мало оставил. Ну да, тогда, в девяносто восьмом, пятьсот баксов для него были большие деньги.

Раскрыл паспорт на нужной странице и, не сходя с табуретки, поднес его к лицу Розы Семеновны.

— Читать умеете? Читайте. Фонтанка, дом, квартира. Ничего не напоминает?

Она бросила быстрый взгляд на страничку и скрестила руки на груди.

— Молодой человек, у вас есть пять минут. Можете забрать ваши вещи, если Тоня их не пропила. И уходите, пока не пришел мой зять. Иначе у вас будут очень серьезные проблемы.

— Когда он придет?

— Скоро.

— Вот и хорошо. Хочу задать ему пару вопросов, — сказал Иван, спрыгнув с табурета и направляясь на кухню. — Баба Тоня, что мы с тобой, как нерусские? Человек вернулся, надо бы отметить, а? Стаканчики найдутся?

Баба Тоня затравленно посмотрела на Розу Семеновну. Та фыркнула и захлопнула кухонную дверь. В наступившей тишине было слышно, как она набирает номер на мобильнике.

— Ну, что там насчет стаканчиков? — весело повторил Иван, доставая фляжку из сумки.

— Шел бы ты отсюда, — проворчала баба Тоня, но стаканы из своей тумбочки все-таки извлекла. — Что там у тебя?

— Тутовка. Ну, вроде самогона, только градусов семьдесят.

— Это у вас в Москве такое гонят?

— Нет. Не в Москве.

Да, многое изменилось в доме Ивана, но баба Тоня осталась прежней, и стаканчики у нее были все те же — мутноватые, стограммовые.

— Ты из дворников ушла? — спросил он, разливая.

— Так попёрли меня. Стара я для них стала. И говорю много. Им нужны узкоглазые, которые молчат и кланяются.

— И что же ты теперь? На пенсию живешь?

— На пенсию не прожить. Мне Золотовичи плотют. Я у них вроде как прислуга. А-а, плевать! Мы не гордые. — Баба Тоня понюхала и сморщилась. — Гнилыми яблоками воняет.

Иван помнил, что в прежние времена баба Тоня выходила из дома часов в пять утра. Возвращалась (ненадолго) ровно в полдень. Не снимая ватника, наливала себе стаканчик водки, выпивала без закуски, выкуривала сигарету и снова уходила скрести набережную.

— Ты не закусываешь? — спросил он.

— И тебе не дам. Ну, с возвращеньицем.

Они чокнулись как раз в тот момент, когда на кухне снова появилась Роза Семеновна.

— Тоня! Сейчас придет милиция, а ты пьяная! Иди к себе, не вертись тут.

Баба Тоня смотрела то на нее, то на стаканчик в руке. Наконец, она приняла единственно верное решение. Выпила. Вытерла губы ладонью. И ушла с кухни, шлепая тапочками.

— Милиция? Это хорошо, — сказал Иван, распахивая дверцы буфета.

Раньше он держал здесь консервы и ненужную посуду, оставшуюся от старой квартиры. Кое-что сохранилось. Например, гэдээровская фарфоровая супница — баба Тоня явно не пользовалась ей, как и Иван. И тоже не решилась выбросить. Вещь-то хорошая. Сейчас таких не делают. И тарелок таких тоже не делают. Да и ГДР больше нет.

Вот мясорубка с клеймом Кировского завода. Заржавела. Баба Тоня котлеты не готовит. Или пользуется электромясорубкой хозяев?

А вот сковородка. Чугунная. Кстати, очень удобная. Хорошо, что она сохранилась. В ней было очень удобно жарить картошку на маргарине — получалась как раз одна сытная порция, и ничего не пригорало.

Иван расстегнул передний клапан сумки и запихнул сковородку. Вряд ли ему доведется в ближайшее время жарить картошку. Но пусть будет хоть какая-то память о доме.

Милиция появилась минут через пятнадцать.

— Капитан Федоренко, участковый уполномоченный, — представился белобрысый паренек, снимая фуражку и присаживаясь на табурет рядом с Иваном. — А ты, значит, Савин?

— Документы показать?

— Незачем, — капитан махнул рукой. — Где ж тебя носило?

— В Москве жил.

— Не мог никому сообщить, что ли?

— Да некому вроде сообщать-то.

Участковый сидел, устало опираясь локтями о колени, и разглядывал концы своих ботинок.

— Да, вот такие дела, — наконец, произнес он. — Сигареты есть?

— Нет. Есть тутовка.

— Я, вообще-то, при исполнении.

— Хорошая тутовка. — Иван достал из буфета самый прозрачный стаканчик, посмотрел на свет, протер бумажной салфеткой и наполнил. — Очень хорошая. Осетинская.

— Значит, ситуация такая. У меня сведения, что ты погиб. В девяносто шестом, — сказал участковый. — В период прохождения действительной воинской службы в боевой обстановке. В селе Ачхой-Мартан. Письмо за подписью начальника штаба части.

— Погиб? Ну, значит, не чокаемся.

Капитан выпил и не поморщился. Только гулко выдохнул.

— Да. Тутовка нормальная. А письмо — туфта. Я сразу понял. Было бы официальное извещение, тогда — да. А так… Я тут человек новый. Что тут до меня творили, это лучше не трогать. Короче, я чувствовал, что ты рано или поздно тут нарисуешься.

— Ну, может, ошибочка вышла? Савиных много.

— Да нет. Не ошибочка. Письмо-то в паспортный стол пришло. Как бы основание для выписки. Вот так. Выбыл жилец Савин, жилплощадь свободна. Я тебе отвечаю, через меня такая туфта не прошла бы. Печати на письме нет, подпись неразборчива. Прикинь — не указано звание начальника штаба.

— Значит, Ачхой-Мартан?

— Ну.

— Не был там никогда.

— А где был?

— Да почти нигде, — Иван помедлил, вспоминая. — Так, Шатой-Ведено. Ну, Шали.

— Шали, Ведено? В две тысячи первом отработал там по полной программе. — Участковый глянул на пустой стакан, и Иван снова открутил колпачок фляжки. — Давай. За нас, за вас, за Северный Кавказ.

— За нас.

Капитан порылся в кармане кителя, достал жевательную резинку, протянул Ивану.

— Будешь? Значит, расклад такой. Старый участковый, Лысиков, крутил дела с черными риелторами. Сейчас в банке работает. В службе безопасности. На «крайслере» рассекает. Вот так. А твоя хата не первая и не последняя. Перспектив у тебя — ноль. За этим серьезные люди стоят. Новый жилец, который твою комнату занял, он в том же банке работает, где и Лысиков. Сам понимаешь, квартира в центре города, с видом на Фонтанку, да и банк ихний тут в двух шагах. Короче, всё очень серьезно.

— Что посоветуешь?

— Ты же нормальный. Не дергаться. Возвращайся туда, откуда пришел.

Иван кивнул:

— Да я с самого начала понял, что не надо было приезжать. У меня тут никого не осталось.

— А родители?

— Они далеко. Отчим с матерью еще в девяносто первом, как Ельцина с Гайдаром послушали, решили сваливать отсюда. Квартиру разменяли с доплатой. И умотали в Израиль, у отчима там родня. А мы с бабушкой тут, в коммуналке остались. Мне надо было школу заканчивать, потом мореходку. Плюс армия. А бабка не собиралась никуда уезжать. Хотела, чтоб ее похоронили в Питере. Так и вышло.

— А ты чего ж не свалил на ПМЖ?

— А чего я там не видел, в Израиле?

— Тебе хорошо, — сказал капитан. — Во-первых, живой. Во-вторых, есть куда уехать. Другим хуже пришлось.

— Да, — сказал Иван. — Мне хорошо.

— Так что возвращайся в Москву. — Капитан встал, надел фуражку. — Здесь не маячь. В общем, беседу я с тобой провел, на звонок отреагировал. Не подставь меня, Савин.

— Вас понял.

Капитан ушел, а Иван продолжил копаться в буфете. Баба Тоня возилась у плиты, что-то жарила, гремела посудой.

— Что ты ищешь? Скажи, может, я знаю?

— Да так. Ничего. — Он повертел в руках почерневшую от старости бронзовую кофемолку, в которой обычно молол перец, потому что в те годы не пил кофе. — Можно, я ее возьму?

— Твое хозяйство, бери что хочешь. Чего милиционер-то сказал?

— Ничего. Сказал, чтоб я уезжал, и всё.

— И правильно.

— Я Золотовича хочу увидеть.

— Зачем?

— Книги в комнате оставались. Хочу спросить, куда делись.

— Так вон они, книжки твои, на антресолях.

Иван задрал голову и увидел на полке под потолком пыльные коробки и связки книг.

Снова скрипнула дверь, и снова послышались мелодичные щелчки набираемого номера. Роза Семеновна опять кому-то звонила.

Встав на табуретку, Иван смог вытянуть с антресолей только несколько самых тонких книжек. «Этнография питания», «Средние века в Японии», «Социальная психология»… Оттер от пыли и спрятал в сумку, на самое дно. Может быть, удастся почитать в дороге. А в том, что дорога предстоит долгая и нудная, он уже не сомневался. Зря приехал. Пора в обратный путь.

Словно услышав его мысли, баба Тоня сказала:

— Кефир не выбрасывать же. Так я оладушек тебе на дорожку.

— Я в дороге не ем. И не пью.

— Так садись и тут лопай.

Баба Тоня успела нажарить целую гору оладий, прежде чем на кухне появились новые лица. Двое крепких ребят в черных костюмах встали перед Иваном, сложив руки под животом и широко расставив ноги. Они были так похожи друг на друга, что он не сразу придумал, как их обозначить. (Он всегда мысленно обозначал оппонентов, если их было несколько).

— Это ты тут права качаешь? — спросил тот, у кого виднелся полукруглый шрам под скулой.

— Я не качаю. — Иван с сожалением отодвинул тарелку, встал. — Спасибо, баба Тоня. Давно я так вкусно не ел. Пойду я. Пора мне.

— Давно пора, — сказал Шрам.

Второй, с редкими усиками на длинной верхней губе, неловко улыбался и отводил взгляд. Оба они были на голову выше Ивана.

— Пойду я, баба Тоня, — повторил Иван, закидывая сумку на плечо. — Открой мне черный ход. Всё ближе.

— Ты на вокзал? — спросила баба Тоня, шагая впереди него к двери черной лестницы.

— Типа того.

Шрам и Усатый, шепотом посовещавшись, двинулись за ними.

— Постой, уважаемый. Как бы договориться надо. Чтобы потом вопросов не было.

— А не будет вопросов, — сказал Иван через плечо. — Мужики, давайте так. Доложите, что вы меня тут не застали. Окей? И разойдёмся, как в море корабли.

Шрам посмотрел на Усатого. А тот неожиданно вежливым голосом произнес:

— Видите ли, нам приказано отвезти вас на вокзал. Вас на какой, на Московский?

— Ну, тогда… Тогда можно и на Московский, — согласился Иван.

Баба Тоня выдернула крюк, распахнула узкую дверь. Шрам первым шагнул на черную лестницу, которой пользовались только жильцы мансарды, а также те, кто хотел срезать угол и выйти прямо на набережную. Иван протиснулся за ним, перевесив сумку на грудь и незаметно отжав застежку клапана.

— Счастливо тебе, Ванечка! — сказала вдогонку баба Тоня.

Дверь захлопнулась. Загремел крюк, запирая черный ход.

Шрам шагал на три ступеньки ниже. Усатый сначала отстал и держался ступенек на шесть выше. Но вот Иван почувствовал, что тот нагоняет его.

Пора.

У сковороды была удобная чугунная рукоятка. Во время жарки ее приходилось оборачивать тряпкой, чтобы не обжечься. Но сейчас она была холодной, и надежно легла в руку.

Иван развернулся и ударил сковородкой. Почему-то ударил плашмя, а не ребром, как хотел. Но и так получилось нормально.

Шрам успел обернуться на шум. Поэтому ему удар пришелся не в ухо, а в лоб. А падая, он еще и затылком приложился об стену. Иван успел подхватить его свободной рукой, чтобы тот не скатился по крутой лестнице.

Они лежали у его ног, и он смог досмотреть их, не сходя с места. Уходя, пощупал пульс. Оба были живы. «Удачно получилось, — похвалил себя Иван. — Хорошо, что плашмя бил».

Он сбежал по лестнице. Выйдя на набережную, задержался на секунду, оглядывая припаркованные машины. На брелок отозвался темно-синий «ниссан-террано».

Иван сел за руль, отъехал в переулок, свернул в проходные дворы и выбрался на Крюков канал. Здесь все было как раньше. Разве что грязные ворота автосервиса стали еще грязнее, а на узкой набережной стояло больше иномарок, чем «жигулей». Он едва нашел свободное место, чтобы припарковать «ниссан». Хлопнул дверцей чуть громче, чем хотел (нервы, нервы) и ушел к Никольскому собору, а там уже спокойно расположился на скамейке, чтобы ознакомиться с трофеями.

Среди документов на машину нашлась какая-то голубая бумага. Страховка. Такого раньше не было.

Долго сравнивал фотографии в правах — кто больше похож на него. Решил, что Усатый.

— Значит, теперь я Фролов, — сказал себе Иван, пряча документы в карман. — Не забыть бы.

На пистолет никаких бумаг не было. И не могло быть: вряд ли охранникам банка по штату положено таскать в кармане, без кобуры, старый потертый ТТ без запасного магазина.

От ствола надо срочно избавиться. А вот электрошокер, который был уже зажат в кулаке Усатого — он может пригодиться. Вещь хорошая. Иногда не хуже сковородки.

Пересчитал деньги. В бумажниках имелись еще и кредитные карты, а на обороте визиток нашлись пин-коды. Но Иван взял себе только наличность, а бумажники с паспортами и кредитками протер и запихнул в урну.

На соседних скамейках грелись в лучах сентябрьского солнца старушки. Перед ними толклись голуби. Один из них перелетел ближе к Ивану, глянул искоса. Потыкал клювом песок, снова посмотрел на недогадливого человека на скамейке.

— Крошек нет, — сказал ему Иван. — Тутовку будешь?

Голубь презрительно отвернулся и вразвалочку направился к своим старушкам.

Иван подошел к ограде канала, облокотился о чугунную решетку. По мутной воде медленно плыла пустая бутылка. Он вспомнил, что раньше на набережных можно было встретить мужиков со специальной снастью вроде спиннинга, которой они вылавливали бутылки из рек и каналов. Интересно, сколько в России сейчас дают за стеклотару?

Интересно, а сколько сейчас в России дают за хранение-ношение оружия?

Проще всего было бы незаметно уронить пистолет в воду. Но старушки, старушки… Они сверлили ему спину своими взглядами. Донеслось: «… а с виду приличный…». Ага, даже словесный портрет уже составили.

Нет, некоторые поступки, пусть и совершенно невинные, Иван не мог совершать на виду у старушек.

Он перешел улицу и оказался в аркаде Никольского рынка. Прошелся мимо запыленных витрин. Заглянул в комиссионный магазинчик, где торговали старыми виниловыми пластинками, сборниками советской фантастики, ношеной обувью и антиквариатом. Кстати, приглядел почти целую кобуру для ТТ. Еле удержался от покупки. Еще трудней было не предложить торговцам пистолет, уже изрядно надоевший.

В соседнем гастрономе он купил бутылку «гиннеса» и присел на ступеньки между колоннами аркады. В этом закутке его никто не видел, разве что пассажиры проехавшего трамвая. Что делать с пистолетом? В мусорный бак не бросишь — бомжи найдут. С собой таскать больше не хочется. Перебрав еще несколько вариантов, он вдруг увидел щель в кирпичной кладке, в самом низу колонны. Просунул туда руку, выгреб пыль и комья штукатурки. Пистолет вошел в щель, как в кобуру. Иван заделал просвет грязью. Встал, отошел, окинул критическим взглядом — нормально. Теперь этот ствол найдут только археологи.

На ходу прихлебывая из бутылки, он вернулся на скамейку у часовни. Идти все равно было некуда.

3.Не надо было приезжать

Не надо было приезжать. Столько суеты, и все впустую. Жаль потраченное время. Жаль пацанов, которым пришлось дать в башню, чтоб отстали. А комнату в коммуналке не жалко ничуть. Все равно он не стал бы в ней жить. Потому что в коммуналке — это не жизнь.

Нет, не стоило возвращаться сюда.

Ну да, здесь родина. Или уже нет? Уезжал из одной страны, вернулся в другую?

Похоже, не стоит здесь задерживаться. Мир огромен и разнообразен. Иван знал примерно с десяток мест, от юга Аргентины до севера Мексики, где можно устроиться, и неплохо устроиться. А «Гиннес» — он везде примерно один и тот же.

«Всё, — сказал он себе. — Решено. Рвем когти. Быстро. Но спокойно».

Услышав шарканье множества ног, он обернулся. Из-за часовни повалила толпа людей в темном. На женщинах были черные платки. Впрочем, пожилая блондинка, шедшая первой, была без платка. Обошлась черным шарфом, накинутым на пышные волосы. Рядом с ней, поддерживая под локоть, шагал человек, лицо которого показалось Ивану знакомым. Он что-то сказал своей спутнице и остановился, закурив. Вереница женщин в трауре свернула на набережную и направилась к стоявшему у моста автобусу, а мужчина повернулся к Ивану.

Их взгляды встретились.

«Позывной «Студент», — вспомнил Иван. — Сержант Гребнев, «дед» из второго взвода».

Он поставил бутылку за скамейку и встал.

— Студент?

В ответ он услышал свой позывной:

— Сова!

Иван побоялся, что старый товарищ кинется обниматься. Но обошлись рукопожатием.

— Думал, что не узнаешь, — сказал Иван, пытаясь вспомнить имя «Студента».

Кажется, иногда его называли Дэном… Ну да! Денис Гребнев!

— А ты не изменился, только загорел, — улыбнулся Денис. — Некоторые на гражданке так меняются, просто совсем другие люди. Жиром, что ли заплывают? А ты все такой же. Худой, резкий, глаза злые…. Прости, Савин, чего-то я торможу — не могу вспомнить, как тебя зовут…

— Иван я.

— Ну да! Значит, нормально дембельнулся? Чем сейчас занимаешься?

— Да пока ничем. Пиво пью. А ты?

С лица Дениса слетела улыбка.

— А я товарища хороню. Отпевание, сейчас на Южное кладбище поедем.

Иван глянул на колонну машин, выстроившуюся за автобусом. Черные «мерседесы», «лендкрузер», пара «гелендвагенов». Темно-синий «террано» отлично вписался бы в эту компанию. За кладбищем начинается дорога на Псков. А дальше — Белоруссия, Украина, Румыния…

— На Южное? Так нам по дороге. Ничего, если я за вами пристроюсь? А там найдем минуту, поговорим.

— Нормальный ход, — Денис кивнул. — Я замыкающим пойду на «крузере», держись за мной.

Иван быстро вырулил с Крюкова канала, догнал уже отошедшую от набережной колонну. Теперь он был уверен, что сможет без проблем выбраться из города на собственном транспорте. А дальше?

Дальше — по обстановке.

Катафалк и автобус проехали за ворота кладбища, а остальные машины остались на стоянке. Денис и Иван отошли в сторонку от других водителей, бродили среди мрачных елей, предаваясь воспоминаниям. Наконец, Денис спросил:

— Так где же тебя носило?

— Да как тебе сказать… Много где.

Денис достал из нагрудного кармана тонкую сигару, откусил кончик, раскурил.

— Извини, тебе не предлагаю. Ты же раньше, вроде, не курил?

Иван помотал головой и показал свою фляжку.

— Будешь? Чисто символически?

— Нет, не хочется. — Денис поглядел на колечко дыма, разогнал его резким взмахом ладони. — Я почему спросил. Загар у тебя особый. И акцент появился характерный. Я бывал в тех краях.

— В каких краях?

— Куба, Никарагуа, Венесуэла. В прошлом году в Боливию летал.

— Боливия? — Чтобы выиграть время, Иван открутил крышку, поднес фляжку к губам. И решил, что Дэну можно открыться. — Не был там никогда.

— А где был?

— Эквадор, потом Колумбия. Я, можно сказать, только что оттуда, — Иван сделал маленький глоток, только чтобы губы смочить. — Загар, говоришь? Отработал шесть лет. На свежем воздухе. Прошлый год в горах провел. Акцент? Да там в каждой деревне свой акцент. Я к концу службы уже по-испански чесал быстрее, чем по-английски. И ничего, все понимали. Несмотря на акцент.

— К концу службы?

— Помнишь, в Чечении крутились всякие жучки? Вербовали. Кто в легион, кто еще куда.

— Помню, — сказал Денис. — И как мы с наемниками разбирались, тоже помню.

— Ну, в наемники я и не метил. Вот в Африку звали, это да. Стрелком на вышке стоять, по расхитителям прииска шмалять. За тонну баксов в неделю. Вот это работа так работа. Не работа, а мечта. Ну, мечты мечтами, а только дембельнулся я в декабре…

— Нормально!

— Ага. Все говорили, что боевые зачтутся «день за два». Ни хрена не зачли. Наоборот, застрял: смены не было. — Иван отпил еще, потому что теперь пересохла глотка, и говорить стало трудно. — Под Новый Год вернулся в Питер. Праздники сплошные. Пьянка. Бабы. Очухался уже после восьмого марта. Надо как-то жить, что ли. Тетка одна взяла к себе. Водителем и грузчиком. И переводчиком, она по-английски только до пяти считать умела. Гоняли с ней в Чухляндию. Утром туда, ночью обратно. Тупо вывозили то, что финны выбрасывали. Телевизоры, микроволновки. У нас тут этот хлам шел на ура. Платила она мне хорошо. Но после пятой или шестой ходки стали мы там на ночевку оставаться… Короче, как она сказала, ей нужны отношения.

— И ты от нее свалил.

— Типа того. Думаю, пора что-то менять. А что? На чужого дядю работать не буду. Самому крутиться — тоже противно. Противно отстегивать всем. Ментам, бандитам, каждой канцелярской крысе. На пароход не устроишься, а на земле матросы-мотористы никому не нужны. А тут по зомбоящику показывают золотые рудники африканские. И что-то у меня в башне замкнуло. — Иван снова поднес к губам фляжку, но пить не стал, только понюхал. — Да, замкнуло. Вспомнил я того жучка, Драгана. Раскопал старые шмотки, нашел блокнот армейский. Там телефон. Позвонил Драгану в Загреб. Пришло приглашение. Бабки кое-какие были, хватило на дорогу. Еще и запас дома оставил. Ну, дальше неинтересно. Служба — она и в Африке служба.

— Значит, в Африке?

— Да нет, не сложилось. Опоздал я на рудники. Пришел другой запрос. Из Эквадора. Был бы офицером, взяли бы как инструктора. А так — в охрану. Платят меньше, но условия приличные. Я и согласился. Сначала креветочные фермы, потом дорожный патруль. Ну, так и пошло.

Иван закрутил крышку и спрятал флягу. Сегодня он больше не будет пить. Ему еще ехать. Долго ехать.

— А сейчас? — спросил Денис. — Отпуск? Или как?

— Или как.

— И что дальше?

— Пока не понял. — Иван махнул рукой. — Не хотел сюда возвращаться, понимаешь? Но не смог. Вернулся. Не знал, что так бывает. Когда не хочешь, а все равно едешь. Какого хрена, спрашивается? Нет, приперся.

— Давно приехал? Я смотрю, прикид у тебя вполне на уровне. И тачка нормальная. Значит, устроился как-то?

Иван усмехнулся.

— Приехал я недавно. Прикид? Это для ментов. Чтоб не приставали. А тачка… Она чужая. Я бы ее бросил там, на Крюковом. Дальше уходил бы на своих двоих. Ну, на частниках, на дальнобойщиках.

— Тебе надо уходить? Проблемы?

— Ну, типа того.

Денис отошел к урне, загасил сигару о край. Уронил и посмотрел, не идет ли из урны дым.

— Так что я твоей колонной прикрылся, — сказал Иван.

— Да ладно. Всегда пожалуйста. — Денис потер подбородок. — Могу я тебе один вопрос задать?

— Ну?

— Может быть, проще все на месте решить, не уезжать? Я помогу, чем смогу. Людей нужных подтянем. И вообще, тебе это надо — туда-сюда мотаться?

— Мне уже ничего не надо, — ответил Иван. — И я тут никому не нужен. Земля большая. Найду спокойное место. Устроюсь и буду жить. Как все живут.

— Наши возвращаются, — сказал Денис, глянув в сторону главных ворот кладбища. — Сейчас поедем. Слушай, братишка. Насчет того, что ты тут никому не нужен. Это не так. Я понимаю, ты давно уехал. Тут у нас много чего переменилось за эти годы. И для тебя есть место. Не скажу, что очень спокойное. Но жить можно. Я не давлю. Просто предлагаю. Попробуй. Поживи какое-то время. Осмотрись. Не понравится — никто тебя держать не будет. Даже поможем уехать, если сильно захочешь. Но все же присмотрись. Ты ведь никуда не торопишься? Погони за тобой нет?

— Даже если есть, ну и что? Погоня — не повод торопиться, — ответил Иван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.